

Московская правда - 1992 - 4авг.

Хочу замолвить слово за «Поручика Голицына»

Не думал — не гадал, что после появления два года назад моей заметки о выступлении в Лужниках Михаила Звездинского, исполнившего под гитару «Поручика Голицына», появятся опровержения, которые не только попытаются отнять у него право на этот знаменитый ныне песенный шедевр, но и на самого исполнителя набросят густую черную тень.

«В одной из московских газет в мае я прочитал, что автором популярного романа «Поручик Голицын» является Василий Моксяков... Однако через неделю в «Московской правде» я прочитал другое — там не менее авторитетно заявили, что автор песни Михаил Звездинский. Читать все это грустно и смешно, так как автор романа — я.

Н. И. БОГАТЫРЕВ.
 Действительно, обхохочешься...
 В той же заметке «Суэта вокруг «Поручика» «Звуковая дорожка» назвала нам еще одного — бесфамильного претендента:

«Другой автор, выступая по Всесоюзному радио (дело было в феврале этого года), утверждал, что он является автором «Поручика Голицына», причем написание песни он относит к 1971 году».

Таким образом, перед нами возникают еще три отца одного «Поручика», заявившие о себе в средствах массовой информации, а именно: Н. И. Богатырев, Василий Моксяков, «другой автор»...

Все они обитают в пределах нашей страны. Оказывается, есть и живущие вдали от Москвы. Об одном из них поведала известная певица Жанна Бичевская:

«...Примерно в 1983 году в Париже после концерта ко мне подошла странная пара. Пожилой, с палочкой джентльмен и его взрослая дочь. Они поблагодарили меня, и есаул Колокольников — так он представился — подарил мне текст песни, которую он знал со времени Ледового похода. Он напел мне мелодию. Это был известный ныне «Поручик Голицын». Колокольников сказал, что эта песня времен его молодости...».

Другой эмигрантский след назвала газета «Волжские новости», напечатав в минувшем году в № 3 сообщение ветерана войны Стрелкова, который во время боев в Югославии встретился с бывшим подполковником царской армии, тамбовским дворянином, бежавшим от большевиков. Звали его Борисом Александровичем. Этот эмигрант однажды «...взял гитару и запел: «Четвертые сутки пылают станции...».

И еще из этой версии:
 «Песня эта здорово мне помогла. Приободрял я себя часто строчками: «Не падайте духом, поручик Голицын», — в минуты самых тяжелых боев», — признался корреспонденту ветеран. На вполне резонный вопрос: «Не боялись, что за эту песню могли вас и...» — услышал достойный смельчак ответ:

— Что вы, такой грохот кругом стоял, пушки палили день и ночь. А потом, что в ней такого, про комиссаров разве строчка...

Попробуем развить сомнение, которое посеял в душе корреспондента «Волжских новостей» наш храбрый ветеран, заявивший, что ничего крамольного в песне нет, ну, «про комиссаров разве строчка». Так вот, одной этой строчки могло ему хватить для того, чтобы загреметь (по 58-й статье и ее пунктам Уголовного кодекса РСФСР) за контрреволюцию. Никакой гром пушек не спас бы нашего смельчака. Кому надо, тот слышал все, что говорилось на фронте под любую канонаду. Сомнительно, чтобы образ насковзвез белогвардейского поручика с его другом — корнетом, цыганками, тройками и прочими пережитками царизма мог бы вдохновить боевого советского сержанта. Еще более сомнительно, чтобы белый офицер — эмигрант взял да и спел бы неизвестным ему, в его глазах коммунистам песню, за которую бы немедленно загремел, поскольку в «Поручике», кроме «про комиссаров разве что строчки», содержатся и другие, за которые замполиты, потомки комиссаров, особисты, наследники «красной сволочи», немедленно приставили бы бывшего тамбовского дворянина к первой попавшейся югославской стенке, не утруждая себя во фронтовых условиях судом и прочими формальностями. Читателей, не знакомых с таким явлением, как мифотворчество ветеранов, конечно, мне будет трудно убедить, что бывший сержант Стрелков познакомился с «Поручиком» не в дни боев в 1944 году на фронте, а в иное время и в других условиях. Но сегодня забыл, как было дело.

«Поручика Голицына» на Западе поют действительно давно, поют эмигранты и в Нью-Йорке, и в Париже, увезшие из Москвы много песен. Так что есаул-джентльмен услышал свой вариант, переданный Жанне Бичевской. Но Ледовый поход — такой же миф, как пушки на фронте, заглававшие пение сержанта.

Итак, прибавим к упомянутым трем выше претендентам еще одного, четвертого, которого обозначим условно словами «белогвардейский эмигрант», и

пойдем дальше в поисках отца песни, которой суждено пережить автора.

Далеко ходить не придется. В шестом номере журнала «Советская эстрада и цирк» в минувшем году Михаил Гулько, исполнитель песен, перебравшийся на постоянное жительство за океан, пишет:

«Кстати говоря, эмигранты признают, что слова незабвенного «Поручика Голицына» были написаны чуть ли не Мариной Цветаевой. Но это лишь предположение, высказанное журналистом газеты «Новое русское слово».

Со страниц журнала смотрит на нас мужественное бородастое лицо барда. Именно он, уезжая из Москвы, зашел перед отъездом в Лаврушинский переулок, где находится агентство по авторским правам, и в отделе, где регистрируются песни, заявил сотрудникам, бросив в их души еще одно зерно сомнения:

— Песня эта («Поручик Голицын». — Ред.) моя. Мне не до нее, заниматься этим не буду...

То есть устанавливать авторство барду было некогда... Он улетел в Америку. А мы прибавим в наш ряд еще одно имя — Михаила Гулько, давнего кореша Звездинского по эстраде...

Но и на этом рано ставить точку. Все знающая в музыкальном мире «Звуковая дорожка» 6 марта 1992 года называет нам еще сразу три кандидатуры:

«Сверхизвестная баллада-шлягер «Поручик Голицын» продолжает оставаться яблоком раздора в высшем музыкальном свете из-за претензий на ее авторство. Анатолий Днепров, например, утверждает, что «Поручик Голицын» написал именно он, когда еще жил в Америке... Бард Александр Дольский в свою очередь заявляет, что «Поручик» сочинил им как одна из музыкальных тем к театральному спектаклю. Всех опровергает Александр Розенбаум — он не сомневается в том, что «П. Голицын» принадлежит его перу».

Теперь выстроим более полный ряд претендентов на эту песенную «Илиаду». Богатырев, Моксяков, «другой автор», «белогвардейский эмигрант», Гулько, Днепров, Дольский, Розенбаум...

Итак, восемь, не считая Марины Цветаевой, явно притянутой к песне зря. Однако официально из всех названных сочинителей оспаривает у Звездинского авторство один только Василий Моксяков, живущий в Москве. Поскольку он один подал в ВААП заявление, откуда цитирую:

«...предоставляю в распоряжение подведомственного отдела нижеследующее: подлинный текст, получивший в народе название «Поручик Голицын»:

Четвертые сутки пылают станции,
 Потеет дождями донская весна.
 Подвиньте стаканы, поручик Голицын,
 Корнет Оболенский, налейте вина!

Приведа далее еще несколько подпорченных четверостиший, Василий Моксяков выражает протест в адрес исполнителей, не называя, впрочем, конкретных лиц, обижавших его детиче: «Из трагически звучащей, исторически выдержанной, музыкально-поэтической эррисовки песня более чем за 25-летнее существование преэратилась в разухабистый - исторический шлягер».

Ну а теперь встретимся с девятиым сочинителем, который зарегистрировал «Поручика Голицына» в ВААПе 29 декабря 1989 года. Он не эмигрант, не офицер. Родился в марте 1945 года в Люберцах. Летом жил на даче в Томилине (снесена), зимой — в Москве, доме в Настасьинском переулке (снесен). Рос без отца, учился в музыкальной школе. Мать — Лидия Семеновна Дейнекина носила фамилию мужа, в конце войны считавшегося пропавшим без вести. Брак расторгнут не был. Поэтому у новорожденного в метрике по советским законам вместо фамилии отца стоял прочерк — гнусное изобретение сталинской юриспруденции. Но, конечно, отец был. Фамилия его — Гвездинский. Жил он тогда в Люберцах. Вскоре уехал в Польшу. За ним Лидия Семеновна не последовала. Сын носил ее фамилию — Дейнекин.

После войны вернулся Михаил Дейнекин, завел новую семью, у него родился сын Владислав, который живет в Люберцах... Зачем я пишу об этом? Журналисты, пытающиеся отнять у Звездинского, как я уже говорил, не только песню, но и честь, что видно из личного названия их статьи «Миша. Не ЗВЕЗДИ(нский)», выдают Владислава Дейнекина за... старшего брата Звездинского, хотя на самом деле он всегонавсего однофамилец. Зачем это им понадобилось? Ответу и на этот вопрос, но сначала хочу обратить внимание читателей, что наш известный романист Михаил Шолохов также носил фамилию первого мужа матери — Кузнецова. Его отцу, Шолохову, пришлось усыновлять собственного сына. Есть еще несколько сходств у романиста Кузнецова - Шолохова и барда Дейнекина - Звездинского. Большое число желающих отнять

авторство, в первом случае — на роман, во втором случае — на песню, которая проложила дорогу многим ей подобным, что сегодня звучат день и ночь. Еще сходство: никто не верит, что Шолохов написал великий роман в 20 лет. Никто не верит, что Звездинский написал великую песню в 16!

Была у него бабушка из дворян, которая научила рано читать, в круг чтения попала «Белая гвардия» Михаила Булгакова, изданная — там. Был у него двоюродный брат Игорь Гражданкин, аспирант, занимавшийся историей белого движения. Слушая рассказы бабушки о прошлом, слушая брата, юный Михаил увлекся «белогвардейской темой», начал сочинять под гитару одну песню за другой. Поскольку опровергатели не знают этих фактов, они, выяснив наличие в природе инженера Дейнекина, который никогда не занимался историей, пытаются опровергнуть сообщение Звездинского о брате, повлиявшем на его творчество...

Весной я дважды со страниц «Московской правды» обращался к читателям с просьбой сообщить, кто из них слышал юного певца с гитарой в московских молодежных кафе, где впервые он исполнил на свою беду «Поручика». Первым отозвался по телефону Николай Николаевич Егоркин, автор самодельных песен. В 1961 году, попав случайно в «Азлиту», после полуночи, где только тогда начиналась настоящая жизнь, он записал текст поразившей его песни. Услышал тогда не только «Поручика», но и «Прощай, Париж», тоже сейчас известное сочинение. Поразил Егоркина юный возраст гитариста Миши и его репертуар, который в разгар первой «оттепели» казался крамольным. «Слушал Мишу несколько раз, понимал, что вижу озарение, несколько песен записал, пел их потом под гитару. Меня удивляет, что «Поручика» приписывают каким-то эмигрантам...».

Вторым откликнулся А. С. Рябинин, приславший письмо:

«Я бывший музыкант, учился в Бакинской консерватории по классу валторны, в период Великой Отечественной войны какое-то время играл в джазе фронтального ансамбля на трубе, очень люблю слушать джазовую музыку. В период с 1960 по 1963 год довольно часто посещал места, где звучала джазовая музыка. Это в основном были кафе «Азлита», «Синяя птица», «Молодежное» и ряд других. Мне очень нравились на вечерах в этих кафе выступления — экспромты из публички, которые начинались после 23.00 и продолжались до двух, трех часов утра. В 1961 году на джазовых вечерах по пятницам я слышал молодого певца-гитариста (16—17 лет) Звездинского Мишу, выступавшего со своими песнями. Одной из песен (как объявляли) была песня «Поручик Голицын», которая всегда пользовалась успехом. Прошло много времени, сейчас трудно вспомнить другие песни, но осталась в памяти еще одна его песня «Вас ждет Париж». Эти песни в его исполнении я слышал также в других указанных кафе. С уважением Алексей Степанович Рябинин».

Спасибо, Алексей Степанович! Жду еще, что откликнутся другие посетители кафе, те, кто объявлял, кто подавал на столы и так далее.

А сейчас кратко о том, как поплотился юный Миша за свою детскую игру в «белую гвардию», как поплотился за поручика Голицына, и за поручика Одиноца, есть у него и такой герой, и за корнета Оболенского... Статья в уголовном кодексе, позволявшая арестовать за песню, — нет. И не надо. Выйдя из кафе с гитарой, увидел наш бард роскошный автомобиль, в который его пригласил сесть покататься по ночной Москве один из слушателей с двумя юными подружками. Четвертый в компании был кстати. Долго кататься не пришлось. Милиция остановила машину. Экипаж ее ветром сдуло. Застрял Миша с гитарой. А в машине оказались некие ценные вещи, кем-то якобы украденные. Так первый раз осудили его на год за «групповую кражу». Следователь, когда закончил свое, сказал между прочим: «Что это за песни ты поешь?». Но к делу их не пришли. Второй раз, будучи солдатом, получил три года за самовольную отлучку из воинской части, то есть дезертирство. Не добившись разрешения, уехал в Москву, получив телеграмму о тяжелой болезни матери.

Третий раз дали срок за ночной концерт (пел о «Поручике» и о белогвардейцах) на теплоходе, что плыл из Одессы в Батуми. В аресте участвовали чехисты. На этот раз они нашли новый предлог. Итальянку, его корабельную подругу, отпустили на родину. Барда осудили за ее... изнасилование.

Четвертый раз упрятали накануне Московской олимпиады, когда чистили столицу, арестовав посетителя и артистов ночного загородного ресторана и продюсера гала-концертов. Всех наутро отпустили, кроме него. Восемь лет, чтобы угомонился навсегда, получил за «частное предпринимательство» О последней отсидке бард не раз подробно рассказывал прес-

се, о первых трех — особо не распространялся. За него это в минувшем году сделал «Мегаполис-экспресс», раскрыв слушателю глаза: смотрите, мол, какой нехороший, рецидивист и на руку нечист. Повод был. Заявил, выйдя на свободу, оптом десятки многолетней давности песен, размахисто подмахнул, не глядя, титульные листы исполненных переписками каллиграфическим почерком нот, не указав своей рукой, как положено, что две песни сочинены им не «единолично», как чужие стихи. За что удостоился в названной газете приговора: «враль, уголовник, литературный вор, социально близкий коммунистам...».

Другой бы на его месте сломался, отсидев столько в лагерях. Но он окреп, вырвался на простор, сочиняет, поет, записывает пластинки, устраивает концерты, летает из страны в страну, из города в город. В свои сорок с гаком остался таким же безрассудным, как в 16. Впервые услышав «Поручика», я посоветовал не исполнять публично некоторые куплеты. Он не послушал, у меня мурашки пошли по коже, когда за полтора года до ГКЧП в Лужниках бард кричал в микрофон про комиссаров, увидевших в кабинет чужих девочек, и про красную сволочь. В дни путча, в августе, в Сочи успокаивать его пришлось мне...

Где доказательства, что именно Звездинский, а не какой-то сгинувший эмигрант — автор? Отвечаю. Цикл песен о поручиках, корнетах, эполетах, аксельбантах, барышнях и прочих лубочных персонажах «белой гвардии». Первые слушатели в московских молодежных кафе начала шестидесятых годов. Черновые варианты 30 (тридцати) куплетов. Текст «Поручика», где нет беспомощных рифм, «мертвенного света луны», «потеплей весны» и прочих фольклорных искажений. Наконец допущенные исторические ошибки. Будучи юным, не знал, что у корнета российской армии не могло быть орденов: после первой награды автоматом следовало повышение в чине. Из-за этого незнания на пластинке звучат слова: «Корнет Оболенский, надеть ордена». За что сурово указали Мише в одной статье. Но эта ошибка — в его пользу. Далее. Будучи начитанным, но необученным, не ведал, что под Смоленском белые не сражались с красными. Поэтому в одном из вариантов — «корнет Оболенский погиб под Смоленском». Анализ вариантов мог бы стать содержанием целой статьи.

В «каноническом тексте», представленном в ВААП, содержится одиннадцать строк, сорок четыре строки. Хотя «Московская правда» не публикует стихов — для этих можно сделать исключение. Вот они:

Четвертые сутки пылают станции,
 По Дону гуляет большая война,
 Не падайте духом, поручик Голицын,
 Корнет Оболенский, налейте вина!

Где-то их тройки проносятся к «Яру»,
 Луна равнодушная смотрит им вслед,
 А в комнатах наших сидят комиссары,
 И девочек наших ведут в кабинет.

Мы сумрачным Доном идем эскадром,
 Так благослови нас, Россия-страна,
 Корнет Оболенский, раздайте патроны,
 Поручик Голицын, надеть ордена!

Ведь завтра под утро на красную сволочь / Развернутой лавной пойдут эскадром,
 Спустилась на родину черная полночь,
 Сверкают лишь звездочки наших погон.

За павших друзей, за поруганный кров наш,
 За все комиссарам заплачим сполна,
 Поручик Голицын, к атаке готовьтесь,
 Корнет Оболенский, седлайте коня!

А воздух отчизны прозрачный и синий,
 Да горькая пыль деревенских дорог,
 Они за Россию, / Корнет Оболенский, так с кем же наш бог?

Мелькают Арбатом знакомые лица,
 Хмельные цыганки приходят во снах,
 За что же дрались мы, поручик Голицын,
 И что теперь толку в твоих орденях?

Напрасно невесты нас ждут в Петербурге,
 И ночи в соборных увы, не для нас,
 Теперь за спиной окопы и вьюги,
 Оставлены нами и Крым, и Кавказ.

Над нами кружат черно-красные птицы,
 Три года прошли, как безрадостный сон,
 Оставьте надежды, поручик Голицын!
 В стволе остается последний патрон.

А утром, как прежде, забрезжило солнце,
 Корабль «Император» застыл, как стрела,
 Поручик Голицын, быть может, вернемся,
 К чему нам, поручик, чужая страна?

Подрублены корни, разграблены гнезда,
 И наших любимых давно уже нет,
 Поручик, на родину мы не вернемся,
 Встанет над Россией кровавый расцвет.

Не часто печатают стихи, за которые автор получил не премии, ордена, а приговор. При чем не раз. Вот почему хочу замолвить слово за «Поручика Голицына» и его безрассудного автора. Не раз подыравшегося на минах, им же самим установленными.

Лев КОЛОДНЫЙ.